

УДК 1(091)

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ П.Б. СТРУВЕ: КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА

А.Э. Варпетян

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья сфокусирована на рассмотрении проблемы взаимосвязи культуры и политики в контексте эволюции философского мировоззрения П.Б. Струве. Показано, что она является стержневой в формировании его либерально-консервативных взглядов. Выделяются основные характеристики постановки этого вопроса на различных этапах развития его философской доктрины.

***Ключевые слова:** философия, культура, политика, власть, государство, либерально-консервативный синтез.*

На всем протяжении эволюции мировоззрения П.Б. Струве (1870–1944) прослеживается фундаментальная взаимосвязь его воззрений на культуру и политику. Еще в гимназические годы он приходит к убеждению о значимости личностного начала и культурного измерения его развития, одновременно его занимают вопросы, которые приводят к пониманию невозможности рассмотрения этой темы вне обращения к жгучим общественно-политическим проблемам. Реалии российской действительности заставляют его задуматься об условиях, в которых реализуются шансы личностного культурного развития. Поэтому критическая рефлексия условий российской социально-политической действительности с первых шагов вызревания мировоззрения Струве способствует выработке его взгляда на культурные вопросы. Одновременно еще в юности Струве отчетливо понимает, что существующие стереотипы и ценности культурной традиции составляют фон политического ландшафта того или иного социального организма. Культура не только испытывает влияние политики, но и служит условием ее существования. Можно с уверенностью констатировать, что на протяжении всей творческой эволюции размышления Струве на эту тему способствовали поиску собственного мировоззрения (см: [3]). Общемировоззренческие искания, таким образом, resultируют из осмысления именно вопроса о взаимосвязи культуры и политики. Философская эволюция мыслителя служит осознанию взаимосвязи культуры и политики. И происходит это, разумеется, в контексте конкретики бурных и наполненных трагизмом событий российской истории финала XIX – начала XX столетия. Именно в контексте такого понимания его мысли становится понятной и политическая стратегия его либерально-консервативной доктрины. Попробуем проследить эволюцию философского мировоззрения Струве в свете решения им проблемы взаимосвязи культуры и политики.

В мировоззренческой эволюции Струве можно выделить три основных этапа. На каждом этапе проблема взаимосвязи культуры и политики приобретает новые грани теоретического осмысления в связи с конкретными коллизиями российской истории. Первый из них датируется с периода его гимназических размышлений о культуре и политике, родившихся в конце 70-х гг. XIX

столетия и вплоть до 1900 г., когда фиксируется его переход от «легального марксизма», позитивизма и неокантианства к объективно-идеалистическому мирозерцанию, выдержанному в русле русской религиозной философии. В этот период Струве задумывается над особенностями взаимосвязи русской культуры и перспективами социокультурного развития России в полемике с либеральными народниками. В финале этого этапа он расстается с марксизмом и социал-демократическим идеалом развития страны, приходит к стартовому пункту своей либерально-консервативной платформы во многом под влиянием не только политических поворотов его биографии, но и философских размышлений, сопутствовавших им. Начиная с 1900 г. и вплоть до событий социалистической революции октября 1917 г. длится второй период его мировоззренческой эволюции, когда складывается общетеоретическое видение им взаимосвязи культуры и политики, отмеченное своеобразным симбиозом неокантианства и религиозной философии. В этот чрезвычайно насыщенный в политическом плане отрезок его деятельности, когда Струве присоединяется к партии кадетов, а затем сближается с октябристами и монархистами, формируется ярко выраженное и философски фундированное ядро его либерально-консервативных политических взглядов. Начиная с октябрьской революции и вплоть до кончины русского философа в 1944 г. длится эмигрантский период его деятельности, когда он на базе сложившихся ранее философских идей критически оценивает реалии постреволюционной России в контексте событий мировой истории, задумывается о возможности изменения курса ее истории на базе размышлений о ценностях национальной культурной традиции и политических перспективах развития страны. Активная антибольшевистская позиция Струве выражена в развитии в новых условиях идеала финального торжества – идеала Великой России.

Размышляя о специфике мировоззрения Струве, С.Л. Франк отмечал в качестве его основной черты, предопределившей его формирование и развитие, широту и многообразие интересов русского мыслителя. Франк писал в данной связи о чрезвычайно редкой «многосторонности его интересов и знаний» [9, с. 476]. На его взгляд, совсем не просто ответить на вопрос о том, являлся ли Струве ученым, писателем или же политиком, поскольку в нем сочетались многообразные способности ко всем этим видам деятельности. Конечно, подобного рода интегральность его личности результировала и особенности его мировоззрения. «Очарование его личности состояло именно в том, что он был прежде всего яркой индивидуальностью, личностью вообще, т. е. существом, по самой своей природе не укладывающимся в определенные рамки, а состоящим из гармонии противоборствующих противоположностей (*coincidentia oppositorum*, употребляя философский термин Николая Кузанского)» [9, с. 476], – отмечает Франк. Способность Струве чутко реагировать на различные социокультурные изменения в мире и в России и одновременно, фиксируя их в научной аналитике и публицистике, находить их «выход» в политическую сферу подчеркивается всеми исследователями его наследия. При этом во всех без исключения произведениях философа прослеживаются собственная позиция, стремление оценить происходящее в его политической значимости. Франк пишет о стараниях друзей Струве переключить его деятельность исключительно на сферу науки и преподавания, дабы «спасти» в нем ученого, но, разумеется, такого рода попытки были изначально обречены на провал в

силу доминантной «ангажированности» этого русского теоретика в кипение властно-политических страстей, без которой он перестал бы быть самим собой.

Характерной чертой мировоззренческого синтеза, осуществленного Струве, была опора на обобщение достижений широкого спектра не только гуманитарных, но и естественнонаучных дисциплин и даже математики, как сказали бы сегодня, – интердисциплинарность. Франк и другие биографы Струве отмечают, что он хорошо владел представлениями социологии, политической экономии, статистики, отечественной и всеобщей истории, истории и теории права, филологии, лингвистики. Его привлекала область истории науки: на фоне общих представлений об эволюции естествознания и математики его прицельно интересовали судьбы их развития в России. При этом в сфере собственно социальных дисциплин Струве несомненно был в особенности знатком экономической теории и истории хозяйства. Философия мыслилась им прежде всего как обобщение материала, который рождался в области культуры. Именно в этой перспективе в его собственно философско-мировоззренческие искания вписывался и интерес к научному знанию. В известном смысле такого рода установка на осмысление мира в перспективе науки как интегральной части культуры диктовалась его приятием общего пафоса неокантианской доктрины.

Испытывая искренний интерес к научному знанию, Струве стремился использовать его в целях создания собственного философского мировоззрения. Осваивая широкий спектр научных представлений, он никогда не был в полном смысле «узким специалистом» в какой-либо области знания, в силу собственно тяготения к поиску «последних начал» отношения к миру и трансформации собственных философских исканий в область осмысления актуальности, вызывающей к политическому действию. Философско-мировоззренческие искания Струве всегда мыслились им как ответ на ситуацию человека в современном мире, попытка рефлексивно выработать собственное отношение к социально-культурной реальности, конкретному контексту национальной традиции. Он был человеком европейской культуры, принимавшим ее ценностные установки, но это не мешало ему остро ощущать и осознавать неповторимые особенности России, аксиологического контура ее национальной традиции. Философия, понятая как раскрытие способности человека созидать различные грани культуры, осваивая наследие традиции, в понимании Струве, должна направлять политические решения, затрагивающие судьбы людей, принадлежащих к определенному народу и живущему в границах национально-государственных образований. Она, как он все более остро понимал на протяжении своей жизни, призвана «высветить» пределы активного вторжения в ценностный мир национальной традиции, предостерегая от непродуманного разрыва с ней, мотивированного жадной революционной отказом от ее устоев. Анализ мировоззренческих исканий Струве отчетливо свидетельствует, что именно созданное им философское видение культуры в конечном счете способствовало и кристаллизации его либерально-консервативной установки в области политики. Естественно, что установить корреляцию его культурфилософских и политических идей возможно только при их рассмотрении в исторической динамике, на разных этапах его творческой эволюции.

Стиль философствования Струве также является предметом оживленного обсуждения исследователей его творчества. Очевидно, что он отнюдь не

принадлежал к числу создателей законченных и детально проработанных философских систем. Пройдя, как и многие его современники, через увлечение позитивизмом и марксизмом, Струве основательно освоил и принял позицию неокантианства, а затем стал выразителем платформы возвращения к русской религиозной философской традиции как наиболее адекватной рассмотрению социокультурных и политических проблем его эпохи. Франк констатирует, что он «явился, таким образом, на пороге 19-го и 20-го веков, родоначальником движения русского идеализма, который вскоре развился в русскую религиозную философию» [9, с. 490]. При этом философские искания Струве не воплотились в разработку какой-либо финализированной системы. Франк справедливо усматривает истоки такого рода линии его подхода к созданию собственного мировоззрения в особенностях его трактовки задач философской рефлексии как постоянного пути к критическому осмыслению действительности, не терпящему завершения и потому принципиально не отливающегося в некоторый системный результат. «Философию он ценил и изучал, с одной стороны, как методологию научного знания, как уяснение его основоположных понятий и общих путей и, с другой стороны, как руководство к общей духовной ориентировке в жизни» [там же]. Следовательно, задачи теоретической и практической философии виделись ему взаимодополнительными. Своеобразный эссеизм и несистемность его философских исканий можно рассматривать как созвучные пафосу неклассической мысли, хотя, конечно, они проявлялись на фоне обращения к инструментарию мировоззренческого теоретизирования классической традиции европейской мысли, начиная с эпохи Античности и вплоть до идей Канта и Гегеля. Франк справедливо констатирует его тяготение к созданию плюралистической онтологии, не оставляя платформы и методологического инструментария кантианства. О возможных итогах его размышлений можно только догадываться, т. к. «Система критической философии» не была закончена, а ее рукопись утрачена в годы Второй мировой войны.

Возможно, что отсутствие финализированной философской платформы Струве связано и с незавершенностью его религиозных исканий. Франк говорит о том, что, придя от неверия юношеского периода к религиозной вере, Струве отнюдь не стремился придать ей законченные контуры, полагая это делом «бесплодным и ненужным». К середине жизни, по характеристике Франка, Струве отличался в своем прочтении задач религии подходом, весьма схожим с либеральным протестантизмом, а к финалу ее скорее принимал начала традиционного православия, следуя ритуалам его традиции. При этом для людей, знавших его, казалось очевидным, что он никогда не был озабочен вопросами религиозной догматики. «Для самого себя он оставался свободным религиозным духом, не связанным никакой точно оформленной догматикой», писал Франк [9, с. 491]. Одновременно для Струве было важным своеобразное мистико-религиозное чувство сопричастности высшей реальности, которая неопределима для конечного человеческого существа. Смирение в религиозном «мудрствовании» оборачивалось для него своеобразной версией «агностицизма», который был вполне сочетаем с неокантиански окрашенным критическим взглядом на теоретические и практические проблемы. Пределы держания человеческого духа, поставленные «непостижимым», оказывались для него оборотной стороной использования его возможностей в решении вопросов социокультурного и политического плана. Такая позиция по вопросу соче-

тания веры и разума в жизни личности открывала для Струве возможность единения консервативного приятия традиции и либеральной установки, их синтеза в области политики.

Струве уже в юности пришел к либеральной идее, но сразу же считал важным для себя осмыслить то обстоятельство, что деонтологически обоснованное требование следования идеалу свободы как в общефилософском, так и в политическом плане неотрывно от культурного контекста его реализации. В данной связи Франк замечает, что Струве «сам любил называть себя “правым” или “консерватором”; он и был таковым, но только в том смысле, в каком “консерватизм” включает в себя “либерализм” и есть его основание, – другими словами, в том смысле, в котором этот “консерватизм” вообще выходит за пределы традиционной противоположности между “правым” и “левым” и основан на ее принципиальном преодолении» [9, с. 485]. Этим обстоятельством объясняется, по мысли Франка, неспособность Струве ужиться как с подлинными «левыми», так и с настоящими «правыми», оставаясь в обеих группировках маргинальной фигурой. Внутренним убеждением Струве было то, что свобода личности непредставима вне определенного контекста традиции, а «революционизм» любого толка, чреватый ломкой исторической преемственности, взрывом общественных страстей, ведет к деспотизму и порабощению индивида. Можно с уверенностью констатировать, что «консервативный либерализм» или «либеральный консерватизм» Струве, – а именно так обозначал он собственную политическую ориентацию, – явился итогом его философских размышлений об укорененности личности в национальной традиции, иерархии ее духовно-ценностного мира и одновременно способности к свободному культурному самосозиданию. Политика понималась им как способность к устройению социального бытия человека на базе обеспечения баланса между традицией и постоянным культурным обновлением. Вполне естественно, что ее очертания могли мыслиться им в свете синтеза либеральных и консервативных начал, который обретал разные варианты осмысления на несхожих этапах его жизненной карьеры и мировоззренческой эволюции.

Уже на первом этапе творческой карьеры Струве отчетливо ощущается, что проблема взаимосвязи культуры и политики становится центром его мысли. «Одним из принципов, сформировавших глубинный субстрат мышления Струве, – подчеркивает Р. Пайпс, – был национализм. До того как он стал кем-то еще – социал-демократом или тем, что он сам именовал как консервативный либерал, – он был монархистом, славянофилом и панславистом» [1, с. 31]. Сам Струве говорил о том, что общая атмосфера державного имперского национализма, определявшая духовный уклад семьи, в которой он воспитывался, всецело разделялась им до пятнадцатилетнего возраста. В это время на его мировоззрение особое влияние оказывали славянофилы и Ф.М. Достоевский. Четырнадцатилетний Струве определил собственные воззрения в своем дневнике как «национал-либерализм» и «либерализм почвы», указывая на мотивировавшие его взгляды идеи И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина. При этом, юный Струве, всецело поддерживая самодержавный принцип, полагал значимой борьбу с засилием бюрократии и отстаивал ценность народного представительства. Очевидно, что именно от славянофилов он унаследовал идею синтеза либерализма и начал национальной культу-

ры, которую пронес через всю жизнь, предлагая различные варианты ее переосмысления на базе исторического опыта.

В годы обучения на юридическом факультете Петербургского университета, который он окончил экстерном в 1895 г., происходят значительные изменения в мировоззрении Струве. В определенной мере они были стимулированы и его пребыванием в университете Граца, где он слушал лекции видного социолога Л. Гумпловича (1891–1892). Как и многие представители русской интеллектуальной элиты той поры, он прошел через увлечение идеями позитивизма и марксизма. Размышляя о своей духовной эволюции в этот период, Струве писал: «50-60-е гг. знаменуют собой крушение философских систем немецких идеалистов и крайнее увлечение идеей положительной науки в отличие от метафизики и в противоположность ей. Отказ от метафизических проблем, от их решения и даже постановки был актом не просто аскетического воздержания, но и воинствующего отрицания. Отвергнутая метафизика, правда, в лице материализма как бы с заднего крыльца, вторглась в философское и научное мышление» [8, с. 181]. Оценивая постфактум произошедшее, Струве находит позитивный смысл критики метафизики в том, что такого рода мыслительный ход способствовал в России очищению от догматических предрассудков. Одновременно как позитивистский, так и материалистический способы теоретизирования редуцировали, на его взгляд, истолкование мира к эмпирически фиксируемому причинно-следственным цепям, исключая автономию человеческого целеполагания, творчества, ценностного и должного, без чего не возможно понять созидание новых реалий в культуре и политике.

Испытав влияние позитивизма, Струве сближается в 1890-е гг. с формирующимся в России социал-демократическим движением и принимает либеральную версию прочтения марксизма – так называемый «легальный марксизм», в русле которого первоначально складывались воззрения и таких крупных русских философов, как С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев. Он участвовал в Международном социалистическом конгрессе в Лондоне (1896) и 1-м съезде РСДРП в Минске (1898). Под его редакцией выходили социал-демократические по своей направленности журналы «Новое слово» и «Начало», 1-й том русского перевода «Капитала» К. Маркса. Им был написан «Манифест РСДРП». Первый крупный труд Струве «Критические заметки об экономическом развитии России» (1894) возник в полемике с либеральным народничеством. Отвечая на аргументы протагониста этого движения Н.К. Михайловского, утверждавшего особый некапиталистический вариант российского развития, Струве полагал, что, несмотря на особенности экономического и социального развития, и прежде всего сохранение общинной организации на селе, Россия движется в целом по стезе разложения феодальной архаики и утверждения частно-собственнических буржуазных отношений. В своем понимании исторического развития России Струве приходит к идее о единстве судеб ее эволюции с европейскими. Не порывая, по сути, с признанием национальных особенностей социокультурного развития страны, Струве говорит о ее культурной отсталости, препятствующей развитию капитализма. В отличие от В.И. Ленина, давшего впоследствии критику его «легально-марксистских» воззрений в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1895) как несовместимых с перспективой радикального пролетарски-революционного низвержения основ самодер-

жавия в мучительно следующей по пути капитализма России, Струве призывает последовательно реализовать на отечественной почве рецепты буржуазного развития и всемерно ассимилировать плоды европейской культуры, распространяя их в массы. Проблема культуры, таким образом, становится основной в его полемике с Михайловским. Культурное и политическое развитие России трактуется при этом в либеральной перспективе, которая даже в эти годы увлечения Струве социалистическим идеалом не была им отброшена. Неслучайно и то, что в 1894 г. им было составлено анонимное «Открытое письмо Николаю II», выразившее идеи земского движения.

Сотрудничая с социал-демократами, Струве был в значительной степени инспирирован европейскими формами реализации идеи этого движения, которые были ориентированы в большей степени обращением к решению конкретных проблем социальной жизни рабочих, нежели стремлением реализовать в кратчайшие сроки социально-этические идеалы социализма в политической практике. По сути, ему всегда был чужд дух крайнего политического радикализма, того революционно-народнического «нетерпения», которое отличало впоследствии большевизм. Симпатии Струве были скорее на стороне этического социализма, разводящего конкретные и отдаленные стратегические социально-этические цели социализма, с которыми он довольно сложно и мучительно расставался путем критического осмысления в следующий период своей деятельности.

Финальному разладу Струве с социал-демократическим движением способствовали не только коллизии внутрипартийной борьбы, в которой он был гораздо менее одарен, нежели В.И. Ленин, но и его теоретическое неприятие ортодоксального марксизма. Его расхождения с марксистской теорией возникли на фоне обращения к неокантианству, которое виделось ему предлагающим продуктивный взгляд на проблему культурного творчества, имевшей, в его понимании, прямой «выход» на понимание задач политики. В статье «Свобода и историческая необходимость» (1897) и ряде других работ Струве проводит точку зрения о полярности марксистского «объективирующего» социальную жизнь подхода и неокантианского видения телеологии культуросоцидания, которая затем получила оформление в конечном варианте в предисловии к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском», в сборнике его трудов «На разные темы. Сборник статей (1893–1901)» (1902) и программной работе «К характеристике нашего философского развития», опубликованной в сборнике «Проблемы идеализма» (1902).

С 1900 г. и вплоть до большевистской революции 1917 г. начинается новый этап в понимании Струве взаимосвязи культуры и политики, когда складывается ядро его философского видения этого вопроса. Исследователи творчества Струве обычно говорят о 1901 г. как точке его окончательного разрыва с социал-демократией, когда он выезжает за пределы России и продолжает свою оппозиционную деятельность там на национал-либеральной платформе, выражая интересы земского движения. В политическом плане Струве зафиксировал свой окончательный разрыв с социал-демократией в статье «В чём истинный национализм?» (1901). На страницах этого программного сочинения он пишет, что «в историческом развитии открылось нам абсолютное формальное начало нравственности – свобода, или автономия личности, и это

же самое начало предстает перед нами как абсолютное формальное начало национального творчества, как закон познающего и уважающего себя национального духа» [5, с. 30]. В приведенном высказывании кантиански окрашенное утверждение либерального кредо Струве соседствует с убеждением в возможности реализации свободы в национально-культурном контексте. При этом он ссылается на верные интенции славянофильства, и прежде всего Аксакова, для которого реализация национального начала была немыслима вне естественных прав личности. Эпигоны славянофильства, на его взгляд, подвергли их иссушающему догматизму. Национал-либеральная платформа нуждалась в общефилософском обосновании. В статье Струве, опубликованной в «Проблемах идеализма», в качестве таковой утверждается критически обоснованная религиозная метафизика. На этой базе Струве предлагает собственное понимание религиозно-ценностных оснований национальной культуры, неотрывных от индивидуального самосозидания личности. Культура представляется ему тем началом, на котором должна существовать и совершенствоваться властная сфера – политика и государство. В свою очередь, политика способна негативно или же позитивно влиять на общество и культуру. Такого рода установка реализуется в редактируемом им с 1902 по 1905 г. журнале «Освобождение», в практической деятельности, сопряженной с созданием «Союза освобождения» и партии кадетов.

После царского Манифеста 17 октября 1905 г. Струве возвращается в Россию и в качестве члена ЦК кадетской партии окунается в активную политику, в 1907 г. избирается депутатом Второй Государственной думы. В период революции 1905–1907 гг. он представляет правое крыло партии кадетов, осуждая их альянс с лево социалистическими силами как пагубный в принципе для российской государственности. Характерно, что политические события революции рассматриваются им как нуждающиеся в глубинном культурфилософском постижении [2, с. 94]. Именно поэтому совместно с С.Л. Франком он начинает писать в 1905 г. книгу «Философия культуры», дошедшую до нас в фрагментах опубликованных статей «Очерки философии культуры» (1905 – совместно с С.Л. Франком) и «Индивидуализм и социализм» (1906). Проблема взаимосвязи культуры и политики являлась стержневой и в вышедшем под редакцией Струве с 1906 г. журнале «Русская мысль».

Из опыта первой русской революции Струве выносит вывод о принципиальной пагубности революционного пути для России, констатирует культурную отсталость масс, готовых поддаться пагубному леворадикальному соблазну, и подвергает жесткой критике русскую интеллигенцию, не осознавшую значимости возможности конституционно-либерального пути, открытого Манифестом 17 октября, и избравшую стратегию разрушения российской государственности. Его размышления в этой связи представлены прежде всего в резонансном сборнике «Вехи» (1909) и в собрании его работ «Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910)» (1911). В сборнике «Patriotica» были воспроизведены такие программные произведения Струве, как «Великая Россия» (1908), «Отрывки о государстве» (1908), «Культура и дисциплина» (1908), «Религия и социализм» (1909) и др., имевшие непосредственное отношение к рассмотрению им соотношения культуры и политики на опыте первой русской революции и последовавших за нею событий. Особую значимость, с точки зрения рассмотрения Струве, в культу-

рилософском ключе задач российской государственности, имела статья «Великая Россия». Определив разрушение дисциплины труда как главную болезненную точку современной ему российской культуры, Струве назвал ее итогом антиправительственных акций революционного периода, которые на деле вели к подрыву государственной мощи страны. Вину за подобную ситуацию он возложил на состояние антагонизма между властью и наиболее культурными слоями общества, которые взбудоражили сочувствующий им «молчальник-народ». Культурный разрыв власти и интеллигенции оказался одновременно и ее противостоянием с народом [6, с. 162]. Как патриот и одновременно национал-либерал Струве призвал к снятию этого трагического противоречия во имя создания Великой России. Идеал единства государственной мощи и дисциплины труда, как представлялось ему, требует рождения нового культурного и политического сознания для утверждения России как значимой силы мировой политики. Конечно же Струве с присущим ему критическим складом мышления вполне осознавал ошибки властей страны, но главным «грехом» не только леворадикалов, но и собратьев по партии кадетов он видел неспособность к сотрудничеству с властью, которая предложила конституционный путь реформирования страны. Как либерал-консерватор Струве полагал, что политика должна решать двуединую задачу утверждения прав и свобод личности и одновременно укрепления национально-державной мощи, не забывая о своей дисциплинарной функции, модифицирующей лицо национальной культуры [4, с. 198].

Оставаясь неудовлетворенным руководством кадетской партии из-за его неспособности обрести консенсус с монархом и правительством, Струве тем не менее оставался вплоть до 1915 г. ее членом. В годы Первой мировой войны он сближается с октябристами и некоторыми монархистами на платформе державного патриотизма.

Осмысление социокультурных предпосылок и итогов октябрьской революции, перспектив России после ее свершения занимает Струве в годы активного участия в антибольшевистском белом движении, а затем и в последовавшей за этим в 1920 г. эмиграции. Рефлексивное истолкование им взаимосвязи культуры и политики реализуется на этом этапе его мировоззренческой эволюции как продолжение линии философского теоретизирования, наметившейся в предшествующий период, но одновременно приобретает и новые грани на фоне аналитики революционных событий и попытки понять их в более широком контексте истории социокультурного развития России. Основы социокультурной диагностики октябрьской революции были даны им в программной статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», появившейся в сборнике «Из глубины» (1918), где причины произошедшего усматриваются не только в культурной отсталости народных масс, но и в фатальной ошибке монархической власти, которая систематически отчуждала от функции управления страной культурную элиту и родившуюся на ее основе интеллигенцию. Развращенность масс, их «материальная похоть», по мысли Струве, в сочетании с революционными устремлениями «отщепенчески» настроенной интеллигенции, подстрекавшей их, подломили становой хребет российской государственности, привели на фоне коллизий Первой мировой войны к национальной катастрофе [7, с. 462]. Этот спектр идей находит продолжение в работах «Размышления о русской революции» (1921), «Прошлое, настоящее, будущее» (1922), «Россия» (1922), «Познание революции и

возрождение духа» (1923) и других статьях. Анализируя последующие события социокультурного развития коммунистической России в либерально-консервативной перспективе в возобновленном им в эмиграции издании журнала «Русская мысль» (1921–1925, 1927), в редактировавшихся и руководимых им газетах «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство», Струве оставался верен идеалу возрождения Великой России.

Эволюция мировоззренческих исканий Струве свидетельствует о том, что на всем протяжении его творческой философской и политической карьеры проблема взаимосвязи культуры и политики являлась для него центральной. Менялись подходы к ее анализу и ракурсы рассмотрения, но неизменным оставался его интерес к этому вопросу, по существу, объединявшему устремления Струве как философа и как практического политика. В движении Струве от позитивизма и «легального марксизма» к неокантианству, а затем и к критически фундированной религиозной метафизике прослеживается поиск им оснований решения вопроса о взаимосвязи культуры и политики. Бурные события эпохи предложили ему обильный материал для размышлений о взаимосвязи наличных ценностей культуры и ее творческой трансформации усилиями личности в контексте общественных и властно-политических отношений. Избрав либерально-консервативный ракурс видения этого комплекса вопросов, Струве всегда оставался патриотически ориентированным мыслителем, верившим в торжество идеала Великой России, несмотря на все невзгоды и потрясения.

Список литературы

1. Пайпс Р. Струве: левый либерал, 1870–1905: в 2 т. М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 1. 549 с.
2. Пайпс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944: в 2 т. М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 2. 679 с.
3. Петр Бернгардович Струве / под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2012. 327 с.
4. Струве П.Б. Великая Россия // Струве П.Б. Избр. соч. / под ред. М.А. Колерова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 182–201.
5. Струве П.Б. В чем истинный национализм // Струве П.Б. Избр. соч. / под ред. М.А. Колерова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 13–44.
6. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 150–166.
7. Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 459–477.
8. Струве П.Б. К характеристике нашего философского развития // *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 177–189.
9. Франк С.Л. Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве // *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 476–493.

**THE EVOLUTION OF P.B. STRUVE'S PHILOSOPHICAL WORLD
OUTLOOK: CULTURE AND POLITICS**

A.E. Varpetian

Tver State University, Tver

The article is focused on the problem of the relations between culture and politics in the context of P.B. Struve's philosophical world outlook evolution. This question should be regarded as guiding the formation of his liberal-conservative views. The main characteristics of its analysis on different stages of his philosophical doctrine development are revealed.

Keywords: *philosophy, culture, politics, power, state, liberal-conservative synthesis.*

Об авторе:

ВАРПЕТЯН Акоп Эмильевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: dragon.92@mail.ru.

Author information:

VARPETIAN Akop Emilyevich – Ph.D. Student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: dragon.92@mail.ru.